

Д. С. Мережковский. Собрание сочинений в четырех томах. Том 3

М., "Правда", 1990

[OCR Бычков М. Н.](#)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Очки погубили карьеру князя Валерьяна Михайловича Голицына.

-- Поди-ка сюда, карбонар! За ушко да на солнышко. Расскажи, чего напроказил? Что за история с очками? А? Весь город говорит, а я и не знаю,-- сказал, подставляя бритую щеку для поцелуя князю Валерьяну, дядя его, старичок лысенький, кругленький, катавшийся, как шарик, на коротеньких ножках, все лицо в мягких бабьих морщинах, какие бывают у старых актеров и царедворцев,-- министр народного просвещения и обер-прокурор Синода, князь Александр Николаевич Голицын.

Когда князь Валерьян, после двухлетнего отсутствия (он только что вернулся из чужих краев), вошел в министерскую приемную, большую, мрачную комнату с окнами на Михайловский замок, так и пахло на него запахом прошлого, вечною скукою повторяющихся снов.

На том же месте опустилась под ним ослабевшая пружина в старом кожаном кресле. Так же на канцелярском зеленом сукне стола лежали запрещенные духовною цензурою книги; "О вреде грибов", прочел он заглавие одной из них: грибы постная пища,-- догадался,-- нельзя сомневаться в их пользе. Теми же снимками со всех изображений Спасителя, какие только существуют на свете, увешаны были стены приемной: лик Господень превращен в обойный узор. Так же рдела в глубине соседней комнаты-молельни темно-красная лампада в виде кровавого сердца; так же пахло застарелым, точно покойническим, ладаном.

-- Помилосердствуйте, дядюшка! Вы уже двадцатый меня об этом сегодня спрашиваете,-- сказал князь Валерьян, глядя на старого князя из-под знаменитых очков, с тонкой усмешкой на сухом, желчном и умном лице, напоминавшем лицо Грибоедова.

-- Да ну же, ну, говори толком, в чем дело?

-- Дело выеденного яйца не стоит. На вчерашнем дворцовом выходе в очках явился; отвык от здешних порядков -- из памяти вон, что в присутствии особ высочайших ношение очков не дозволено...

-- Поздравляю, племянничек! Камер-юнкер в очках! И свой карьер испортил, и меня, старика, подвел. Да еще в такую минуту...

-- Из-за очков падение министерства, что ли?

-- Не шути, мой друг, не доведут тебя до добра эти шутки...

-- Что за шутки! Завтра к Аракчееву являться. Ежели в крепость или в тележку посадят с фельдъегерем,-- только на вас и надежда, дядюшка!

-- Не надейся, душа моя! Я от тебя отступился: советов не слушаешь, сам лезешь в петлю. Думаешь, не знает начальство, какая у вас каша заваривается? Все знает, мой милый, все. Погоди-ка, уж выведут вас на чистую воду, господа карбонары... А письмо-то, письмо? Это еще что такое? Откровенничать вздумал по почте? Уж если так приспичило, можно бы, чай, и с оказией...

В перехваченном тайной полицией и представленном государю письме князь Валерьян называл Аракчеева "гадиной". Князь Александр Николаевич ненавидел Аракчеева; не кланялся с ним даже во дворце, в присутствии государя. Князь Валерьян знал, что за это письмо дядя готов простить ему многое.

-- Я всегда полагал, ваше сиятельство,-- проговорил он с еще более тонкой усмешкой на слегка побледневших губах,-- что заглядывать в частные письма все равно, что у дверей подслушивать...

Старик зашикал, замахал руками.

-- Если желаете, сударь, продолжать со мною знакомство, извольте выбирать выражения ваши,-- сказал он по-французски.

-- Виноват, ваше сиятельство, но, право, мочи нет! Вся кровь в желчь превращается. Я понимаю,